

Протопресвитер Михаил Помазанский

ВЕТХИЙ ЗАВЕТ В НОВОЗАВЕТНОЙ ЦЕРКВИ

БОЛЬШОЕ РАССТОЯНИЕ ВЕКОВ отделяет нас от времени написания книг Ветхого Завета, особенно первых его книг. И уже нелегко нам переноситься в тот строй души и в ту обстановку, в каких создавались эти боговдохновенные книги и какие представлены в самих этих книгах. Отсюда рождаются недоумения, смущающие мысль современного человека. Особенно часто возникают эти недоумения при желании согласовать научные взгляды современности с простотой библейских представлений о мире. Встают и общие вопросы о том, насколько соответствуют ветхозаветные взгляды новозаветному мировоззрению. И спрашивают: зачем Ветхий Завет? Не достаточно ли учения Нового Завета и Писаний Нового Завета?

Что касается врагов христианства, то издавна выступления против христианства начинаются с нападений на Ветхий Завет. И нынешнее воинствующее безбожие считает сказания Ветхого Завета наиболее легким материалом для этой цели. Те, кто прошли через полосу религиозных сомнений и, может быть, религиозного отрицания, особенно те, кто прошел советскую антирелигиозную учебу, указывают, что первый камень преткновения для их веры был им подброшен из этой области.

Данный краткий обзор ветхозаветных Писаний не может ответить на все возникающие вопросы, но, думается, он указывает руководящие начала, при которых можно избежать ряда недоразумений.

По заповеди Спасителя и Апостолов

ПЕРВОХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ, обитая духом в небесном граде, ища грядущего, строила и земную сторону своего бытия, и в частности, она собирала и сберегала вещественные ценности веры. На первом месте в этом были письменные памятники веры. Самыми главными из Писаний были Евангелия, как священные записи о земной жизни и учении Господа Иисуса Христа, Сына Божия. За ними следовали все другие писания Апостолов. Далее шли священные книги иудеев, которые Церковь хранит тоже, как священные письма.

Чем дороги Церкви ветхозаветные писания? Тем, что они учат верить в Единого истинного Бога и исполнять Его заповеди и говорят о Спасителе. На это указывает Сам Христос: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете через них иметь жизнь вечную, а они свидетельствуют о Мне», сказал Он иудейским книжникам. В притче о богатом и Лазаре Спаситель влагает в уста Авраама такие слова о братьях богача: «Есть у них Моисей и пророки, пусть слушают их». Моисей — это пять первых книг ветхозаветной Библии, а пророки — 16 последних книг. В беседе с учениками Спаситель указал, кроме тех книг, еще и Псалтирь: «надлежит исполниться всему, написанному в законе Моисеевом, пророках и псалмах о Мне». После Тайной Вечери «воспевши пошли на гору Елеонскую», сказано у евангелиста Матфея: это указывает на пение псалмов. Достаточно слов Спасителя и Его примера, чтобы Церковь со всей тщательностью отнеслась к названным книгам — Моисееву закону, пророкам и псалмам, берегла и поучалась из них.

В кругу книг, признаваемых иудеями священными, кроме Закона и Пророков, есть еще два разряда книг: ряд учительных книг, из которых названа одна Псалтирь, и ряд исторических книг. Церковь их приняла потому, что так заповедали Апостолы. Ап. Павел

пишет ап. Тимофею: «Ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить во спасение верою во Христа Иисуса». Это значит: если будешь их мудро читать, то найдешь в них путь к утверждению в христианстве. Апостол имеет в виду все книги Ветхого Завета, как видно из дальнейших его слов: «Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности» (2 Тим. 3:15-16).

Церковь приняла круг священных иудейских книг в греческом переводе семидесяти толковников, сделанным задолго до Рождества Христова. Этим переводом пользовались и апостолы, так как и собственные свои послания они писали по-гречески. В данный круг вошли также книги священного содержания иудейского происхождения, известные только на греческом языке, так они были составлены после установления Великой Синагогой официального списка книг. Христианская Церковь присоединила их под названием неканонических. Евреи этими книгами в своей религиозной жизни не пользуются.

Принятием ветхозаветного Священного Писания Церковь показала, что она есть наследница угасшей ветхозаветной Церкви: не национальной стороны иудейства, а религиозного содержания Ветхого Завета. В этом наследстве одно имеет вечную ценность, а другое угасло и имеет значение только как воспоминание и назидание, как например, уставы о скинии, о жертвах и предписания ежедневного обихода иудея. Поэтому Церковь распоряжается ветхозаветным наследством совершенно самостоятельно, соответственно своему более полному и высокому, чем у иудеев, миропониманию.

Степень пользования Ветхим Заветом в Церкви

ПРИ ПОЛНОМ ПРИНЦИПИАЛЬНОМ признании достоинства ветхозаветных книг христианская Церковь практически не имела возможности пользоваться ими всюду, всегда, в полном их объеме. Это ясно уже из того, что их количество велико и они занимают в Библии в четыре раза больше места, чем Новозаветные. До начала книгопечатания, то есть в течение 1500-летней истории Церкви, само переписывание, приобретение их было трудным делом. Их полное собрание могла иметь далеко не всякая церковная община и очень редкая семья. Как источник вероучения, как руководство христианской жизни, конечно, первое место занимает Новый Завет. Только о Псалтири можно сказать, что Церковь пользовалась и пользуется ею постоянно в полном объеме и в богослужениях и в духовной жизни христиан. И это происходит от апостольских времен и будет до конца мира. Из других книг Ветхого Завета она довольствуется отдельными чтениями, и то даже не из всех. В частности, о Русской Церкви известно, что хотя она засияла полным светом уже в 12-13 веках, еще до татарского нашествия, в ней, однако, не было полного собрания ветхозаветных книг, а существовали только переводы важнейших из них. Лишь в конце 15-го века удалось с большим трудом архиепископу новгородскому Геннадию собрать вместе славянские переводы книг Ветхого Завета. И это приобретение было только для одной архиерейской кафедры. Только книгопечатание дало нам первую полную Библию: это была Острожская Библия на славянском языке в конце 16-го века. Однако практически чисто церковное пользование книгами Ветхого Завета осталось таким же, как его дала начальная Церковь.

Понимаешь ли что читаешь?

АП. ФИЛИПП, по рассказу книги Деяний Апостольских, увидел при дорожной встрече книгу пророка Исаии в руках евнуха царицы Кандакийской. Он спросил евнуха: «Разумеешь ли, что читаешь?» Тот ответил: Как могу понимать, если кто не наставит меня? Филипп наставил его христианскому пониманию читаемого настолько, что за этим, тут же при воде на дороге, последовало крещение евнуха. Апостол истолковал читаемое в свете христианской веры. Так и мы, исходя из христианской веры, должны приступать к чтению Ветхого Завета. Он нуждается в новозаветном понимании, в освещении, исходящем от Церкви. Для этого Церковь предлагает нам святоотеческие толкования, чтобы мы из них

лучше усваивали содержание священных книг. Нужно помнить о Ветхом Завете, что он есть «тьнь будущих благ». Иначе читающий может не получить должного назидания, как предупреждает ап. Павел. Он пишет об иудеях: «донины, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердцах их»; оно у них «донины остается не снятым при чтении Ветхого Завета», т. е. они не просвещаются духовно для веры. «Но когда они обращаются ко Господу, это покрывало снимается» (2 Кор. 3:15-16). Так и нам нужно читать эти книги под углом зрения христианства, помня слова Господа: «Они свидетельствуют о Мне». Они требуют не только чтения, но и исследования. В них заключены подготовительные действия к пришествию Христа, обетования, пророчества, прообразы и предзнаменования о Христе.

По этому принципу избраны и чтения из Ветхого Завета для богослужения в храме. И даже если отсюда Церковь предлагает нам нравственные назидания, она избирает такие, которые как бы написаны в свете Евангелия, говорящие, например, о «вечной жизни» праведников, о «праведности по вере», о благодати. При таком подходе к книгам Ветхого Завета открывается огромное богатство назиданий для христиан. Как капли росы отражают солнце, так и эти Писания отражают в себе то, чему предназначено быть в будущем, — события, деяния, учение Евангелия. Но зашло солнце, капли остались теми же, но уже не ласкают наш глаз. То же и с ветхозаветными Писаниями. Без света Евангельского солнца они становятся ветхими, как сказал о них апостол Павел (Евр. 8:13), как назвала их и Церковь, а «ветшающее и стареющее близко к уничтожению». Царство избранного народа закончилось, пришло Царство Христово: «закон и пророки до Иоанна; с сего времени Царствие Божие благовестуется».

Почему нужно знать Ветхий Завет?

ЦЕРКОВНЫЕ ПЕСНОПЕНИЯ и чтения раскрывают перед нами два ряда событий: Ветхий Завет, как прообраз, как тень, и Новый Завет, как образ, истина, приобретение. В богослужении постоянны сопоставления Ветхого и Нового Заветов: Адам — и Христос, Ева — и Богоматерь. Там рай земной — здесь рай небесный. Через жену грех, через Деву спасение. Вкушение плода к смерти — причащение Святых Даров к жизни. Там запрещенное дерево, здесь спасительный Крест. Там сказано: смертью умрешь, — здесь: днесь со Мною будешь в раю. Там лживый змей — здесь благовестник Гавриил. Там жене сказано: в печали будешь — здесь сказано женам у гроба: радуйтесь. Параллель проводится на всем протяжении двух Заветов. Спасение от потопа в ковчеге — спасение в Церкви. Три странника у Авраама — и евангельская истина Святой Троицы. Жертвоприношение Исаака — и крестная смерть Спасителя. Лестница, виденная во сне Иаковом — и Божия Матерь, лестница схождения Сына Божия на землю. Продажа Иосифа братьями — и предательство Христа Иудой. Рабство в Египте и духовное рабство человечества дьяволу. Выход из Египта — и спасение во Христе. Переход моря — крещение. Несгорающий куст — приснодевство Матери Божией. Суббота — воскресение. Обряд обрезания — таинство Крещения. Манна — и новозаветная Вечеря Господня. Закон Моисея — и закон Евангелия. Синай — и Нагорная проповедь. Скиния — и новозаветная Церковь. Ковчег Завета — и Матерь Божия. Змий на древке — пригвождение Христом греха ко кресту. Процветший жезл Аарона — возрождение во Христе. Такие сопоставления можно продолжать и далее.

Новозаветное понимание, выраженное в песнопениях, углубляет смысл ветхозаветных событий. Какой силой разделил Моисей море? — Знаком Креста: «Крест начертая Моисей впрямю жезлом Чермное пресече». Кто провел иудеев через Чермное море? — Христос: «Коня и всадника в море Чермное ... Христос истряс, Израиля же спасе». Прообразом чего было восстановившееся непрерывное течение моря после перехода Израиля? — Прообразом нетленной чистоты Богоматери: «В Чермном море образ Неискусобрачныя Невесты написася иногда...».

В Великом посту на первой неделе и на пятой мы собираемся в храме на покаянный умиленный канон св. Андрея Критского. Длинной цепью проходят перед нами примеры

праведности и примеры падений от начала Ветхого Завета до его конца, сменяясь затем новозаветными примерами. Но только зная священную историю способны мы вполне понять содержание канона и обогатиться его назиданиями.

Вот почему знание библейской истории нужно не только взрослым; уроками из Ветхого Завета готовим мы и наших детей к сознательному участию и пониманию богослужений. Но еще важнее другие основания. В речах Спасителя и в писаниях Апостолов есть немало ссылок на лиц, на события и на тексты из Ветхого Завета: Моисея, Илию, Иону, на свидетельства прор. Исаии и т.д.

В Ветхом Завете даны причины, почему человечеству необходимо было спасение через пришествие Сына Божия.

Не упустим из виду и прямого нравственного назидания. Как пишет ап. Павел: «И что еще скажу? Неостанет мне времени, чтобы повествовать о Гедеоне, о Вараке, о Самсоне и Иеффае, о Давиде, Самуиле и (других) пророках, которые верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих... Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли...». (Ев. 11:32-38). Этими назиданиями пользуемся и мы. Образ трех отроков в пещи Вавилонской Церкви постоянно ставит перед нашей мыслью.

Под руководством Церкви и без руководства Церкви

В ЦЕРКВИ ВСЕ НА СВОЕМ МЕСТЕ, все имеет свое правильное освещение. Это относится и к ветхозаветным Писаниям. Мы знаем наизусть десять заповедей Синайского законодательства, но понимаем мы их гораздо глубже, чем их понимали иудеи, потому что они освещены и углублены для нас Нагорной проповедью Спасителя. В моисеевом законодательстве имеется много нравственных и обрядовых законов, но среди них есть и такой возвышенный призыв: «Возлюби Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и возлюби искреннего твоего, как самого себя» — только через Евангелие засветились для нас полным своим блеском. Не существует уже ни скинии, ни храма Соломонова: но мы изучаем их устройство потому, что много символов Нового Завета заключено в их установлениях. Чтения из пророков предлагаются в храме не для того, чтобы знать судьбу народов, окружавших Палестину, а потому, что в этих чтениях содержатся пророчества о Христе и событиях Евангелия.

Но вот случилось так, что в 16 веке огромная ветвь христианства отказалась от руководства Церковного Предания, всего богатства древней Церкви, оставив у себя, как источник и руководство веры одно свящ. Писание — Библию в ее двух частях Ветхого и Нового Заветов. Так поступило протестантство. Отдадим ему должное: оно загорелось жаждой живого слова Божия, оно полюбило Библию. Но оно не учло того, что священные Письмена собраны Церковью и принадлежат ей в ее исторической апостольской преемственности. Оно не приняло во внимание, что как вера Церкви освещается Библией, так в свою очередь Библия освещается верой Церкви. Одна требует другую и опираются друг на друга. Протестанты отдались со всем упованием изучению одного Священного Писания, надеясь, что, следуя точно по его пути, они увидят этот путь настолько ясным, что уже не останется повода к разномыслию в вере. Библия, состоящая на три четверти из Ветхого Завета, стала настольной книгой. Они исследовали ее до мельчайших подробностей, проверили по древне-еврейским текстам, однако, при этом у них стало теряться соотношение ценностей Ветхого и Нового Заветов. Оно представилось им, как два равных источника одной веры, взаимно дополняющих один другой, как две равных стороны ее. У некоторых групп протестантства появился взгляд, что при количественном преобладании книг Ветхого Завета он занимает первое место и по значению. Так появились иудействующие секты. Они стали ставить ветхозаветную веру в Единого Бога выше монотеизма Нового Завета с его богооткровенной истиной о Едином Боге во Святой Троице; заповеди Синайского

законодательства более важными, чем евангельское учение; субботы важнее воскресенья.

Другие, если и не пошли по пути иудействующих, то не сумели различить самого духа Ветхого Завета от духа Нового, духа рабства от духа сыновства, духа закона от духа свободы. Под впечатлением некоторых мест ветхозаветных Писаний они отказались от той всеобъемлющей полноты богопочитания, которая исповедуется в христианской Церкви. Они отвергли внешние формы духовно-телесного поклонения, и в частности уничтожили у себя символ христианства — крест и другие священные изображения. Этим они подвигли себя осуждению Апостола: «Как же ты — гнушаясь идолов, святотатствуешь?» (Рим. 2:22).

Третьи, смущенные или простотой повествования древних сказаний, или суровым характером древности, особенно проявившимся в войнах, иудейским национализмом или другими чертами дохристианской эпохи, стали относиться критически к этим сказаниям, а затем и к самой Библии в ее полном объеме.

Подобно тому, как нельзя питаться одним хлебом без воды, хотя хлеб самое существенное для организма, так нельзя питаться только Священным Писанием без благодатного орошения, даваемого жизнью Церкви. Протестантские богословские факультеты, предназначенные для того, чтобы быть на страже христианства и его источников, работая над изучением Библии, получили своего рода оскомину. Они увлеклись критическим анализом текстов Ветхого и Нового Заветов и постепенно перестали чувствовать их духовную силу, стали подходить к священным книгам, как к обычным документам древности, с приемами позитивизма 19 века. Некоторые из этих богословов стали соперничать между собой в придумывании теорий происхождения тех или других книг, вопреки священному преданию древности. Чтобы объяснить факты предвидения будущих событий в священных книгах, они стали относить само написание этих книг к позднейшим временам (ко времени самих этих событий). Этот метод вел к подрыву авторитета Священного Писания и христианской веры. Правда, простая протестантская среда верующих игнорировала и доселе отчасти игнорирует эту так называемую библейскую критику. Но поскольку пастыри, проходили богословскую школу, они сами нередко оказывались проводниками критической мысли в своих общинах. Период библейской критики пошел на убыль, но это шатание привело к потере догматической веры в большом количестве сект. Они стали признавать одно лишь нравственное учение Евангелия, забывая, что оно неотделимо от догматического учения.

Но часто бывает, что даже добрые начинания имеют свои теневые стороны.

Так, большим делом в области христианской культуры был перевод Библии на все современные языки. Эту задачу в огромной степени выполнило протестантство. Однако на языках нашей современности труднее чувствуется дыхание глубокой древности, не всякий может понять и ценить простоту библейских сказаний. Недаром евреи строго берегут древнееврейский язык Писаний, избегают для молитвы и чтения в синагогах печатной Библии, пользуясь пергаментными экземплярами Ветхого Завета.

Библия распространилась в миллионных тиражах на всем земном шаре, но не понизилось ли благоговейное отношение к ней в людских массах? Это относится к внутренней деятельности христианства.

Но вот подошли новые обстоятельства извне. Библия оказалась поставленной лицом к лицу с научными изысканиями геологии, палеонтологии, археологии. Из-под земли явился почти неведомый доселе мир прошлого, определяемый в современной науке возрастом в огромное число тысячелетий. Враги религии не преминули использовать данные науки в качестве оружия против Библии. Выставили ее на помост суда, говоря словами Пилата: «Не слышишь ли, сколько на тебя свидетельствуют?»

В этих условиях нам надлежит верить в святость Библии, ее правоту, ее ценность, ее исключительное величие, как книги книг, подлинной книги человечества. Наше дело — ограждать самих себя от смущения. Писания Ветхого Завета входят в соприкосновение с современными теориями науки. Поэтому заглянем в ветхозаветные Писания по их существу. Что же касается науки, то объективная, беспристрастная, подлинная наука — сама в своих

выводах будет свидетельницей правды Библии. О. Иоанн Кронштадтский наставляет: «Когда усумнишься в истине какого-либо лица или события, описываемого в Священном Писании, тогда вспомни, что все «Писание Боговдохновенное есть», как говорит Апостол, значит — истинно, и в нем нет вымышленных лиц, басней и сказок, хотя есть притчи, а не собственные сказания, где всякий видит, что идет речь приточная. Все слово Божие есть единая истина, целостная, нераздельная, и если ты признаешь за ложь одно какое-нибудь сказание, изречение, слово, то ты погрешаешь против истины всего Священного Писания, а первоначальная истина его есть сам Бог».

Боговдохновенность священных Писаний

В СЛАВЯНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ мы обычно определяем Писания словом «священный», что означает имеющий в себе благодать, отражающий в себе веяние Святого Духа. Только к Евангелиям всегда прилагается слово «святое», и перед его чтением мы призываемся молиться о достойном слушании его: «И о сподобитися нам слышанию святого Евангелия Господа Бога молим». Слушать его мы обязаны стоя: «Прости (стоя) услышим святого Евангелия» чтение. При чтении же ветхозаветных писаний (паремий) и даже псалмов, если они не читаются как молитвы, а для назидания, как, например, кафизмы на утрени, Церковь разрешает сидеть. Слова ап. Павла «звезда от звезды различается во славе», применимы в отношении священных книг. Все Писания Боговдохновенны, но предмет их речи возвышает одни из них над другими: там иудеи и ветхозаветный закон, здесь — в Новом Завете — Спаситель Христос и Его Божественное учение.

Что же составляет боговдохновенность Писания? Священные писатели находились под руководством, которое в высшие моменты переходит в озарение и даже прямое откровение Божие. «Я имел откровение Господне» — читаем у пророков, и у ап. Павла, и у Иоанна (в Апокалипсисе). Но при всем этом писатели пользуются обычными средствами познания. Для сведений о прошлом они обращаются к устному преданию. «Что слышали мы и узнали и что отцы наши рассказали нам, не скроем от детей их, возвещая роду грядущему славу Господа и силу Его...». «Боже, мы слышали ушами своими и отцы наши рассказывали нам о деле, какое Ты соделал во дни древние...». (Пс. 43:1; 77:2-3). Ап. Лука, не входивший в число 12 учеников Христовых, описывает евангельские события «по тщательном исследовании всего сначала» (Лук. 1:3). Затем, священные писатели пользуются письменными документами, списками людей и семейных родов, государственными отчетами с различными указаниями. В исторических книгах Ветхого Завета есть ссылки на источники, как например, в книгах Царств и Паралипоменон: «прочее об Охозии ... написано в летописи царей Израильских», «прочее об Иоафаме... в летописи царей иудейских». Приводятся и подлинные документы: первая книга Ездры содержит целый ряд дословных распоряжений и донесений, связанных с восстановлением иерусалимского храма.

Священные писатели не обладали всеведением, которое принадлежит одному Богу. Но эти писатели были святы. «Сыны израилевы не могли смотреть на лицо Моисея по причине славы лица его», (2 Кор. 3:7). Эта святость писателей, чистота ума, непорочность сердца, сознание высоты и ответственности в исполнении своего призвания выражалась непосредственно в их писаниях: в правде их мыслей, в истинности их слов, в ясном различении истинного от ложного. Под внушением свыше начинали они свои записи и исполняли их. В отдельные моменты их дух озарялся высшими благодатными откровениями и таинственным прозрением в прошлое, как у пророка Моисея в книге Бытия, или в будущее, как у позднейших пророков и апостолов Христовых. Это было как бы видение в тумане или через завесу. «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор. 13:15).

Обращено ли внимание в прошлое или в будущее, в этом прозрении нет счета времени — пророки видят «дальнее якоже ближнее». Потому-то евангелисты изображают два будущих события: разрушение Иерусалима и кончину мира, предсказанные Господом,

так, что они оба почти сливаются в одной перспективе будущего. «Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти», — сказал Господь (Деян. 1:7)

Боговдохновенность принадлежит не только Священному Писанию, но и Священному Преданию. Церковь признает их равными источниками веры, ибо то предание, которое выражает голос всей Церкви, есть также глас Духа Святого, живущего в Церкви. Богодухновенно также и все наше богослужение, как и поется в одной из молитв: «Истины свидетели и благочестия проповедники достойно почтим в богодухновенных песнях». Особенно богодухновенна Литургия Святых Таин, называемая высоким именем «Божественная Литургия».

Величественность сказания о сотворении мира

НА ПЕРВОМ МЕСТЕ В КНИГЕ БЫТИЯ — происхождение мира. Боговидец Моисей рассказал о сотворении мира кратко. Его повествование помещается на одной странице Библии. Но при этом он объял все одним взором. Глубокая мудрость заключается в этой краткости, ибо какая многоречивость могла бы охватить величие дела Божия? В существе же своем эта страница — целая книга, потребовавшая великого подъема духа священного писателя и озарения свыше. Не даром Моисей заканчивает повествование о творении так, как если бы заканчивал большой труд: «Сия книга — вот такова книга — небесе и земли, егда бысть, в он же день сотвори Бог небо и землю».

Эта была грандиозная задача — говорить о том, как произошел мир и все что в мире. Эта задача требовала соответствующего запаса средств выражения, технического и философского словаря. Но что для этого имел Моисей? Имел в своем распоряжении почти первобытный язык, словарь которого исчислялся несколькими сотнями слов. Этот язык был почти лишен тех отвлеченных понятий, которые так облегчают нам ныне выражение своих мыслей. Древняя мысль вся образная, и все слова обозначают то, что воспринимается глазом и ухом из видимого мира. Но Моисей с осторожностью пользуется словами своего времени, чтобы не погрузить мысль о Боге в грубость чисто земных представлений. Ему приходится говорить: «сотворил Бог, взял Бог, видел Бог, сказал Бог, даже — ходил Бог». Но первые слова Бытия: «В начале сотворил Бог» и далее: «Дух Божий носился над водою» уже ясно говорят о Боге Духе, и значит, о метафоричности приведенных выше человеческих выражений. В более поздней книге, Псалтири, когда метафоричность подобных выражений о Духе стала общепринятой, встречаем гораздо больше таких выражений и притом более ярких: в Псалтири читаем о лице Божиим, о руках, очах, стопах, плечах Божиих, об утробе Божией. «Восстани, иссуну меч Твой...» обращается псалмопевец к Богу. Св. Иоанн Златоуст в беседах на книгу Бытия, по поводу слов книги: «И услышали глас Господа Бога, ходящего в раю по полудни», — говорит:

«Не пройдем, возлюбленные, без внимания того, что сказано божественным Писанием, и не будем останавливаться на словах, но подумаем, что столь простые слова употребляются ради нашей немощи, и все совершается благоприлично для нашего спасения. Ведь, скажи мне, если захотим принимать слова в буквальном значении, а не будем понимать сообщаемого богоприлично, то не покажется ли многое странным? Вот посмотрим на самое начало нынешнего чтения. — «И услышали голос Господа, ходящего в раю по полудни, и убоялся». Что говоришь? Бог ходит? Неужели и ноги припишем Ему? И не будем под этим подразумевать ничего высшего? Нет, не ходит Бог, — да не будет! Как, в самом деле, неужели Тот, Кто везде есть и все наполняет, Чей Престол небо, а земля подножие ног Его, ходит по раю? Какой неразумный человек скажет это? Что же значит: услышал глас Бога, ходящего в раю по полудни? Он хотел возбудить в них чувство близости Своей, чтобы она повергла их в беспокойство, что и было на самом деле: они почувствовали это, попытались скрыться от приближавшегося к ним Бога. Произошел грех — и преступление, и напал на них стыд. — Нелицеприятный судья, то есть совесть, восстав, взывала громким голосом, упрекала их, показывала и выставляла перед глазами тяжесть преступления. Владыка создал

вначале человека и вложил в него совесть, как неумолкаемого обличителя, который не может быть обманут или обольщен...».

В нашу эпоху геологических, палеонтологических и иных изысканий и открытий мир прошлого представляется в неизмеримо огромных масштабах времени; появление самого человечества относится к сказочно отдаленным тысячелетиям; наука в вопросах происхождения развития мира идет своей дорогой. Но нам нет необходимости делать усилия для соединения и согласования во всех пунктах библейского сказания с голосом науки нынешнего дня. И не имеем мы нужды ради Библии углубляться в геологию и палеонтологию. Принципиально мы уверены, что слова Библии и данные науки в их конечном итоге не окажутся в противоречии, даже если в данное время соответствие в том или другом отношении еще не ясно нам. В иных случаях данные науки могут указать нам, как нужно понимать данные Библии. В некоторых отношениях эти две области не сравнимы, у них разные задачи, до противоположности разные пункты, с вершин которых они смотрят на мир.

Задачей Моисея не было изучение физического мира. Впрочем, согласимся и признаем, и почтим Моисея за то, что он дал человечеству первую элементарную естественную историю; что он первый в мире дал историю первобытного человечества; что он, наконец, в книге Бытия положил начало истории народов; все это только усиливает его величие. Творение мира, прошлое всего мира, представлено им на одной странице Библии; отсюда уже, из этой краткости, ясно, почему нить истории не протянута им в глубокую бездну прошлого времени, а дана скорее как на плоскости, как на одной общей картине.

Но прямой целью Моисея было — через сказание о творении — внушить своему народу, а за ним и другим народам, основные религиозные истины.

Главная истина — о Боге, как Едином Духовном Существо, независимом от мира. Эта истина хранилась в той ветви человечества, которая названа в 5-6 главах Библии «сынами Божьими», от них вера в Единого Бога была передана Аврааму и его потомству. У других народов ко времени Моисея она была уже давно утеряна. Она затемнялась и в еврейском народе, окруженном политеистическими народами, и начала угасать во время рабства в Египте. Для самого Моисея величие Единого Бога-Духа открылось у несгораемого куста в пустыне, когда он в недоумении спрашивал: «Вот я пойду к сынам израилевым и скажу им: Бог отцов наших послал меня к вам; если спросят меня: как имя Его? Что скажу им?» Тогда в таинственном голосе Моисей услышал имя Самого Творца вселенной: «Я — Сущий! Так скажи сынам израилевым: Сущий послал меня к вам». Это возвышеннейшее представление о Боге и внушает Моисей первыми словами книги Бытия: «В начале сотворил Бог небо и землю». Когда ничего вещественного не существовало, тогда был Единый Дух Бог, Который вне времени, вне пространства, бытие Которого не связано с небом, так как небо создано вместе со временем и вместе с землей. В первой строке книги «Бытия» написано имя Бог, данное без всяких определений и ограничений, ибо единственное, что можно сказать о Боге, это то, что Он есть, что Он — Бытие Единое, истинное, Источник всякого бытия, есть Сущий.

С этой истиной связан ряд других истин о Боге, о мире, о человеке, непосредственно вытекающих из сказания о творении, а именно:

Бог ничего от себя не отделил, ничего не потерял, ничего не приобрел для Самого Себя через творение мира.

Бог сотворил мир по Своей свободной воле, не вынуждаемый никакой необходимостью.

Мир сам в себе не имеет божественной природы, он не есть ни порождение Божества, ни Его часть, ни тело Божества;

мир есть выражение премудрости, силы и благодати Божией;

видимый нами мир образовался постепенно, в порядке от низшего к высшему и более совершенному;

в сотворении мира «все добро зело»: мир в целом гармоничен, прекрасен, премудро и

благостно устроен;

человек есть существо земное, от земли создан, и назначен быть венцом земных созданий;

человек сотворен по образу и подобию Божию, нося в себе дыхание жизни от Бога.

Из этих истин вытекает логическое заключение: человек обязан стремиться к нравственной чистоте и высоте, чтобы не осквернять в себе и не потерять образ Божий и быть достойным стоять во главе земных созданий.

Конечно, откровением о творении мира изгонялись из умов еврейского народа все слышанные им в его окружении сказания о воображаемых богах, божках и богинях, которые: а) сами зависят от бытия мира и по существу — бессильны, б) сами полны слабостей, страстей, вражды и являются носителями нравственного зла и поэтому, в) если бы и существовали, были бы неспособны нравственно возвышать людей. История творения мира, имея свою самостоятельную ценность богооткровенной истины, представляет удар по языческим, политеистическим, мифологическим религиям.

В живом образе выражено ветхозаветное понятие о Боге в книге Премудрости Соломоновой: «Весь мир перед Тобой, как колебание чашки весов, или как капля утренней росы, сходящей на землю» (Прем. Сол. 11:23).

Книга Бытия исповедует чистый неповрежденный монотеизм. Но христианство открывает в ветхозаветном повествовании высшую истину: истину единства Бытия и троичности Лиц, когда читаем: «сотворим человека по образу Нашему ... вот Адам стал как один из Нас»; и потом, когда явился Бог Аврааму в виде трех Странников.

Таково значение этого краткого повествования. Если бы вся книга Бытия состояла из этой первой страницы повествования о мире и человечестве, она оставалась бы великой книгой, величественным выражением откровения Божия, божественного озарения человеческой мысли.

Утро человечества

ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ ГЛАВЫ книги Бытия открывают новую тему, начинают, можем сказать, другую книгу: историю человечества. Понятно, почему Моисей говорит дважды о сотворении человека. Он непременно должен был сказать о человеке, как венце творения, еще в первой главе, в общей картине творения мира. Теперь, сделав заключение к первой теме: «так совершены небо и земля и все воинство их», — он снова по необходимости должен начать историю человечества речью от творении первого человека и о создании ему жены, что составляет содержание второй главы; здесь же представлена и их жизнь в Едеме (раю). Третья глава повествует о грехопадении и потере райской жизни. В этих повествованиях, наряду с прямым смыслом, есть скрытый, и мы не в состоянии точно указать, где переданы явления в их естественном прямом смысле и где они выражены символически. Поэтому мы не имеем права по своему произволу изменять Моисеевы сказания. Знаем только, что в той и другой форме нам даются события огромнейшего значения.

Символ есть условное выражение, удобное тем, что оно живописно, и потому запечатлевается в душе, и не требует больших словесных средств для выражения мысли; в то же время запечатлевает идею данного явления. Символ дает возможность большего углубления мысли в его содержание. Так, о. Иоанн Кронштадтский, приведя из псалма текст: «руки Твои сотворили меня», сопровождает его замечанием: «руки Твои — Сын и Дух». Слово «руки» Божии внушает ему мысль о Пресвятой Троице. Подобные слова читаем и у преп. Иринея Лионского (2-ой век): «Сын и Дух Святой как бы руки Отца».

Необходимо строго различать библейский символ, библейскую образность, со скрытым в ней особым смыслом, от понятия мифа. В Библии нет мифологии. Мифология есть принадлежность политеизма, многобожия, олицетворившего явления природы в виде богов и на этой почве создавшего фантастические сказания. Мы имеем право сказать, что книга

Бытия есть разоблачение древних представлений мифологии, что она направлена против мифов.

Некоторые скажут, что можно видеть символы и в мифологии. Это так. Но противоположность здесь в том, что за Моисеевыми образными выражениями мыслится истина, часто глубоко таинственная; а мифологические рассказы представляют вымысел, внушенный явлениями природы. Здесь символ истины, там символы произвольной фантазии. Так для православного христианина выражается различие между иконой и идолом: икона есть изображение действительного бытия; идол — изображение создания, вымышленного умом.

Там больше чувствуется элемент символичности, где сильнее потребность раскрыть идею. Таково, например, сказание о создании жены из ребра Адамова.

Св. И. Златоуст поучает: «И взял, сказано, едино от ребер его». Не разумей эти слова по-человечески, но знай, что эти грубые слова приспособлены к человеческой немощи. Ведь если бы Писание не употребило этих слов, то как бы мы могли узнать неизглаголаные тайны? Не будем же останавливаться только на словах, но станем принимать все благоприлично, как относящееся к Богу. Это выражение «взял» и все ему подобные употреблены ради нашей немощи».

Нам понятен нравственный вывод из этого рассказа, указываемый ап. Павлом, именно, что жена призвана к подчинению мужу: «жене глава муж; мужа же Глава — Христос...; не муж от жены, но жена от мужа». Но почему Моисей специально говорит об образе создания жены? Он, несомненно, имеет в виду оградить сознание иудеев от вымыслов мифологии, и в частности мифологии древней Месопотамии, еврейской прародины. Эти рассказы грязные и соблазнительные в нравственном смысле, говорят о том, что мир богов, мир людей и мир животных представляют собой некое смешение: богини и боги сочетаются с людьми и с животными. Намек на это дают изображения львов и быков с человеческими головами, столь распространенные в халдейской, месопотамской и в египетской скульптуре. Повествование Библии об образе создания жены утверждает мысль, что человеческий род имеет свое совершенно особое, самостоятельное начало и сохраняет чистой свою физическую природу, отличную от существ высшего мира и от низшего мира животных. Что это так, видно из предыдущих стихов повествования: «Сказал Бог: не хорошо быть человеку одному, сотворим ему помощника как он». И привел к Адаму всех зверей, и Адам нарек всем им имена, — «и не оказалось для Адама помощника подобного ему». И вот тогда наложил Бог исступление на Адама и из его ребра сотворил ему жену.

Так, вслед за истиной единства Божия утверждена истина единства и независимости, самобытности человеческого рода. Этими двумя основными истинами начинает и ап. Павел свою проповедь в афинском ареопаге: Бог един, — и «от одной крови он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли» (Деян. 17:26). Данный в книге «Бытия» образ создания человека представляет собой такой же удар по политеистическим и мифологическим представлениям, как и история сотворения мира.

Первые люди жили в раю, в Едеме, прекрасном саду. Лучами благодатного солнца озарено в Моисеевом сказании утро человечества. Теперь, под влиянием некоторых пещерных находок, обычно нам изображают древнего человека в пещерном мраке, внушающим отталкивающее впечатление своим звероподобным видом, с выдвинутой нижней челюстью, с выражением угрозы или страха в глазах, с дубиной в руках, в охоте за сырым мясом. Библия же внушает нам, что человек, хотя он и находился в состоянии подобном детскому в смысле духовном, представляет от начала своего бытия благородное Божие создание, что лик его от начала не темный, не мрачный, а светлый и чистый. Он был всегда выше по уму других созданий. Дар слова дал ему возможность дальнейшего развития его духовной природы. Богатство растительной природы представляло в изобилии пищу. Жизнь в самом благоприятном климате не требовала много труда для себя. Нравственная чистота давала ему внутренний мир. Процесс развития мог принять высшую, нам неведомую форму.

И в то время, как в животном мире, стоящем ниже человека, мы наблюдаем столько

благообразных, гармонически сложенных, выражающих в своей внешности красоту и грацию, видов царства четвероногих и царства пернатых, и притом, столько кротких, готовых к привязанности, к доверию и, главное, к почти бескорыстному служению; почему в то время, как в мире растительном перед нами столько гармонии и красоты и, можно сказать, соревнования в готовности растений служить своими плодами — почему одного человека древности нужно представлять лишенным всего того привлекательного и прекрасного, чем наделен животный и растительный мир?

Грехопадение

БЛАЖЕНСТВО ЧЕЛОВЕКА и близость его к Богу — неразлучны. Бог мой покров и защита: кого мне бояться?

Бог «ходил в раю», настолько был близок Адаму и Еве. Но чтобы ощущать блаженство Божией близости и сознавать себя под покровом Божиим, нужно иметь чистую совесть. Мы теряем ее и это сознание. Первые люди согрешили, и вот они уже скрываются от Бога. «Адам, где ты?» — «Я услышал голос Твой, ходящего в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся».

Бог всеведущ, и Он близок всегда, — говорит нам слово Божие, — только чувство этой близости затуманивается из-за порочности человека. Однако оно не угасает совсем; во все века жизни человечества оно жило и живет в святых людях. О самом Моисее сказано, что с ним говорил Бог «лицом к лицу», как бы кто говорил с другом своим. «Близ еси Ты, Господи», читаем в псалмах. «Душа моя в Боге, как рыба в воде или птица в воздухе, со всех сторон, во всякое время окружена Им; Им живет, Им движется, в Нем покоится, в Нем имеет простор свой», — пишет о. И. Кронштадтский. И в другом месте рассуждает: «Что значит явление Аврааму трех Странников? Означает, что Господь, Троичный в лицах, постоянно как бы странствует по земле и надзирает за всем, что на ней делается, и к бдительным и внимательным к себе и к своему спасению и ищущим Его рабам Своим приходит Сам, гостит у них и беседует с ними, как с друзьями: «к нему приидем и обитель у него сотворим» (Иоан. 14:23); а нечестивых людей пополяет огнем».

Потеряна близость — потеряно блаженство. Потеряно блаженство — пришло страдание. Сущность Моисеева повествования о грехопадении та же, что сущность притчи Господней о блудном сыне. Сын ушел от отца, скрылся с его глаз, прельщенный сладостью привольной жизни. Но вместо наслаждения получил рожки, которыми кормили животных, да и те не до-сытости. То же и с праотцами: за их падением следовали горести и страдания. «Умножая умножу печали твои и въздыхания твои, в болезнях будешь рожать детей...» «В печалях... в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят...» (Быт. 3 гл.).

Вкушение запрещенного плода — казалось бы такое маленькое преступление -а какие последствия и наказание? Но всё в жизни именно так начинается: из незначительного и малого возникает великое. Снеговые обвалы в горах начинаются от небольшого толчка. Волга берет начало из маленького источника, и широкий Гудзон — от затерявшейся в горах «Слезы облаков».

Что пороки имеют связь со страданиями, что они приводят к страданиям, и человек так наказывает сам себя, об этом говорит простое наблюдение. Если смерть и ряд тягостей жизни представляют собой наказание от Бога, то все же большую часть страданий человечества нужно признать созданными самим же человечеством. Сюда относятся жесточайшие войны, сопровождающиеся страшной бесчеловечностью в обращении с побежденными, войны, составляющие собственно всю историю человечества, и те виды страданий людей от людей же, какими сопровождаются мирные периоды этой истории: рабство, иго иноплеменников и разные виды насилия, вызываемые не только алчностью и эгоизмом, но и какой-то демонической страстью жестокости и зверства — словом все то, что выражено в пословице древних: человек человеку волк.

Наслаждался ли бы человек совершенным блаженством на земле, если бы не произошло падение? Был ли бы он огражден от всяких неприятностей, горестей, случайностей? О таком полном безмятежии жизни Библия, по-видимому, не говорит. Где есть свет, там есть и тени; где радости, там должны быть и огорчения. Но какие огорчения могут быть длительны, если Господь близ? Если Он ангелам Своим заповедует охранять на всех путях наилучшие Свои творения, носящие на себе Его образ и подобие? Церковь учит, что человек в раю предназначен был к бессмертию не только души, но и телесному. Но даже если бы земным своим телом он был не вечен, то какое было здесь горе, когда он всей душой ощущал свое духовное бессмертие, знал бы и чувствовал, что ему предстоит переход к еще более высокой форме жизни?

Проблема зла

ЗДЕСЬ МЫ СТАЛКИВАЕМСЯ с вопросом самого широкого объема, с труднейшей в религиозной философии общей проблемой страдания в мире. Почему закон непрестанного обновления жизни — благодетельный закон жизни мира — соединен со страданиями? Неизбежно ли взаимное уничтожение тварей, поедание одних другими ради поддержания своей жизни, страх слабых перед сильными, торжество грубой силы в животном царстве? Действительно ли взаимная борьба есть вечный закон жизни?

Библия не дает прямого ответа на наши вопросы. Однако косвенные указания для ответа находимы. Вот, что она говорит о первом, данном от Бога тварям законе питания. Людям Бог назначил в пищу семена растений и плоды деревьев (Быт. 1:29). И только после потопа разрешает им также и мясную пищу. И о животных определяет Бог: «Всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся на земле, в котором душа живая, даю Я всю зелень травную в пищу. И стало так» (Быт. 1:30).

Но произошло падение в мире. Произошло полное растрение в роде человеческом перед потопом. Оно коснулось и мира земных тварей: «И воззрел Бог на землю, и вот она растрена: ибо всякая плоть извратила путь свой на земле». Закон сотрудничества уступил место закону борьбы. И ап. Павел пишет: «Тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суеде не добровольно, но по воле покорившего ее, — в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стонаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего» (Рим. 8:19-23). Значит стонания твари не вечны, очевидно, не вечен и закон борьбы, закон права сильнейшего. Да беспорен ли он, как закон жизни? Не наблюдаем ли мы, что в животном мире свирепое, кровожадное, грозное своей силой, скорее исчезнет с лица земли, чем, казалось бы, беззащитные, кроткие твари, продолжающие жить и размножаться? Не косвенное ли это указание самому человечеству не полагаться на закон силы? Св. пророк Исаия говорит о преходящем действии этого закона, пророчествуя о времени — конечно, уже не в этом греховном мире, — когда вместе «пасться будет волк с ягненком, и рысь почитет со козлицем».

История происхождения зла в мире — нравственного зла и физических и душевных страданий, данная в третьей главе книги Бытия, представляет новый, третий удар по языческой мифологии. По мифологическим сказаниям, страсти и пороки, а с ними и страдания, присущи богам; среди них взаимная борьба, измены, убийства; существует религия, признающая, что есть бог добра, есть бог зла; но так или иначе, а зло изначально; отсюда — страдания — нормальный закон жизни; и нет пути к подлинному нравственному совершенству. Не то говорит нам Библия. Бог зла не сотворил. Что сотворено, то по своей природе «все добра зело». Грех вошел в мир через соблазн: потому и называется он грехом, т. е. ошибкой в направлении, потерей пути, отклонением воли в ложную сторону. За грехом пришло страдание.

Автор «Премудрости Соломоновой» говорит: «Бог не сотворил смерти и не радуется

погибели живущих, ибо Он создал все для бытия, и все в мире спасительно, и нет пагубного яда, нет и царства ада на земле» (Прем. Сол. 1:13-14); «Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего; но завистью дьявола вошла в мир смерть, и испытывают ее принадлежащие к уделу его» (Прем. Сол. 2:23-24)

Но нравственный закон не уничтожается от падения человека. Он продолжает светить, различие между добром и злом не потеряно. Человеку представляется возможность возвращения к потерянному богатству. Путь к нему лежит через ту покаянную скорбь, которая представлена в конце третьей главы кн. Бытия, в картине изгнания из рая, скорбь, ведущую к нравственному очищению и возрождению. Отсюда, из последних стихов 3-ей главы кн. Бытия, открывается даль светлого горизонта Нового Завета, спасения рода человеческого, через пришествие Искупителя мира, от нравственного зла, а с ним — от страданий и смерти.

Таким образом, история грехопадения имеет исключительно важное значение для понимания всей истории человечества, находясь в прямой связи с Новым Заветом. Возникает прямая параллель между двумя событиями — грехопадением Адама и пришествием Сына Божия на землю, и она всегда в мысли христианской, в целом и в частности. Христос именуется Вторым Адамом, древо креста противопоставляется древу падения. Сами искушения Христа в пустыне от дьявола отчасти напоминают искушения от змия; там — вкушите от плода и будете, как боги; здесь — если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Для истории грехопадения отцы Церкви предпочитают прямое, буквальное понимание. Однако и здесь так тесно сплелся элемент реальный, прямого смысла, со скрытым духовным, что нет возможности их разъединить. Таковы, например, таинственные названия «древа жизни» и «древа познания добра и зла». И Церковь, радуясь спасению во Христе, обращает свои взоры к тому же «древнему Раю», видит херувима, поставленного при изгнании Адама у дверей рая, уже отступившим от охраны древа жизни, и пламенное оружие уже не препятствующим входу в рай. И покаявшийся на кресте разбойник слышит слова Распятого Христа: «Днесь со Мною будешь в Раю».

Библейская история и археология

О НАЧАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ жизни человечества книга Бытия говорит чрезвычайно кратко. Период до потопа, после истории Авеля и Каина, почти ограничен одним родословием, одними именами. Подсчитав годы жизни допотопных патриархов, получаем приблизительно период в 1600 лет. Эта много-вековая история занимает всего лишь одну 4-ую главу. Видим отсюда, как Моисей оберегает свой рассказ от произвольных народных или мифологических сказаний. Несомненно, для родословий Моисей имел источником древнейшие, конечно, очень краткие записи, местом происхождения которых была Месопотамия. Ибо человечество, от начала своего бытия, берегло как зеницу ока, свою историю. Роды берегли память о своих родоначальниках, но история вся могла выразиться только в одном — сохранении имен и лет жизни! В современных раскопках Месопотамии обнаруживаются клинописи, восходящие к третьему тысячелетию до Рождества Христова, это значит за несколько сот лет до жизни Авраама. Но и помимо записей древность стремилась сохранять из рода в род память великих предков, начальников родов, помогая этому сооружением гробниц и подобных вещественных памятников. После подробного сказания о потопе в кн. Бытия восстанавливается родословная история, обнимая снова почти 2 000 лет. Такое же строгое следование данным неведомых нам источников в перечислении глав родов до Авраама. Эти схемы прерываются двумя сказаниями: 1) о потопе и Ное и его сыновьях и 2) о построении Вавилонской башни и рассеянии народов.

Если Моисей остановился с подробностями на событии потопа, то, очевидно, он имел для этого основания. Главным основанием было предание о потопе у еврейского народа той эпохи. Оно было принесено евреями в Египет и сохранялось в их среде, тогда как в памятниках самих египтян оно уже было утеряно. Зато с мифологическими прикрасами оно

обнаруживается в месопотамских (сумерийских, народа не еврейского) письменных памятниках (в библиотеке Ассурбанипала). Это согласие в основном факте подтверждает память об этом событии в Месопотамии. Учитывая дух языка древности, его понимание вселенной, можно допустить, что выражения в тексте Библии «вся земля ... все роды животных» ограничиваются обитаемой страной. Тогда то, что перед глазами, принималось за «весь, все» в относительном смысле. Даже в эпоху Римской империи и раннего христианства разумелась под вселенной та область земного шара, которая была исследована и известна. Впрочем, это только одно из предположений в вопросе о потопе.

Рассказ Моисея о потопе подчинен трем основным идеям, проводимым вообще на протяжении всей Библии: а) пребывания мира под волей Божией, б) бедствия народов, как наказания за их нечестие и в) избранности одного рода, впоследствии народа, как хранителя истинной веры.

Сказание о первоначальном единстве человеческого языка, о построении Вавилонской башни и рассеянии народов — другая подробность среди краткой схемы родословий. Современная археология подтверждает существование Вавилонской башни.

Дойдя до времени Авраама, книга Бытия начинает последовательный исторический рассказ. Отсюда начинается уже история еврейского народа. Она продолжается в других четырех книгах Пятикнижия, а затем в исторических книгах Ветхого Завета, отчасти в книгах пророков и в конце приближается ко временам Нового Завета.

Археология дает богатый материал параллельно библейской истории, начиная от времен Авраама. Еще несколько десятилетий назад библейская критика проводила теорию, что книга «Бытия» представляет сборник благочестивых легенд. Последние археологические раскопки берут книгу Бытия под свою защиту. Их открытия одно за другим подтверждают библейские сказания. Они показывают глубокую древность названий и обычаев, упоминаемых у Моисея. Таковы имена самого Авраама (Абам-рам), Иоакова (Иаков-Эль): они встречаются как личные имена в древней Месопотамии. Имена предков и родных Авраама находят себе соответствие в названиях городов, так как названия давались городам по именам их основателей. В свою очередь, с городов они переносились на лиц, из них происходивших. Так в названиях городов установлены имена: Фарра (отец Авраама), Серух (дед Фарры), Фалек (их предок), Нахор и Аран (братья Авраама), а Харран — область в Месопотамии, из которой они вышли.

Найденные в Месопотамии «таблицы Нузи» освещают нравы и обычаи того времени, например на факт, что Авраам до рождения Исаака имел мысль усыновить домочадца Елиазара. Другие факты — это продажа первородства Исавом, благословения патриархов перед смертью, история и терафимами (идолами, унесенными Рахилью от своего отца Лавана). Конечно, более поздние эпохи дают и больше археологического материала. Естественны также недоумения в согласовании частных фактов. Общий вывод будет тот, что и в заглавии одной немецкой книги: «А Библия все-таки права». Один из американских археологов-библеистов вывел заключение: «Нет сомнения теперь, что археология подтвердит существенную историчность ветхозаветного предания».

Исторические книги Ветхого Завета, так же как и законоположительные пять книг Моисеевых, проводят идею причинной связи между благочестием народа и его благоденствием, иначе говоря, показывают, что народные бедствия всегда вызываются отступлениями от веры и нравственным падением. Поэтому и в христианскую эпоху ветхозаветная история остается очень поучительной и Церковь в богослужебном материале заимствует много ее событий для примера. Однако те исторические книги, в которых национальный иудейский элемент затеняет религиозную идею (Есфирь, Иудифь) не используются Церковью в богослужении. Таким образом, исторический материал Ветхого Завета важен для нас уже не сам по себе, ибо «древняя мимоидоша» (2 Кор. 5:17), а той назидательностью, какую он в себе содержит.

Пророк Моисей и следующие за ним священные писатели говорят о многочисленных явлениях силы Божией, чудесных явлений. Но они редко прибегают к слову «чудо». Они

внушают нам, что вся история проходит перед очами Божиими, что все события только кажутся нам разделенными на обыкновенные и необыкновенные, на естественные и чудесные. Для верующей души, все чудесное это только прорыв в завесе, за которой совершается непрерывное чудо промысла Божия и пишется текст судьбы каждого из нас.

Ветхозаветная мудрость — о премудрости

УЧИТЕЛЬНЫЕ КНИГИ составляют третью группу книг Ветхого Завета. Они учат человека строить свою личную земную жизнь так, чтобы она была благословенной у Бога и у людей, давала благоденствие и душевный мир. Такую жизнь сообщает мудрость, исходящая от Бога.

Когда Соломон, начиная свое царствование, вознес свои молитвы и всесожжения, Бог явился ему ночью и сказал: «Проси, что мне дать тебе». И Соломон просил у Бога одного: премудрости и знания, чтобы управлять народом Божиим. И сказал Бог Соломону: за то, что ты не просил богатства, имени, славы, побед, долголетия, а просил себе премудрости и знания, дается тебе премудрость и знание, а богатство, имя и славу Я дам тебе такие, каких не бывало у прежних царей и не будет после тебя.

Учительные книги полны практических наставлений о том, как разумно, мудро, на страхе Божиим, на правде, на честности, на труде, на воздержании создавать свою жизнь собственную и семейную, и быть полезным участником жизни общественной. Эти наставления чрезвычайно поучительны, метки, правдивы. В их словесном построении много образности, живости, остроты ума, хотя некоторые суждения построены по потребностям далекого от нас времени и чужды нашим обычаям. Житейское практическое направление составляет характерную черту ветхозаветной учительной мудрости.

Однако ошибочно думать, что библейская мудрость есть мудрость земного благополучия. Библия видит истинную мудрость в смиренной преданности Богу при самых тяжких страданиях, при страданиях без вины, мудрость в признании непостижимости путей Божиих. «Нагим я вышел из чрева матери, нагим и отойду. Бог дал, Бог и взял; как угодно Богу, пусть так и будет; да будет благословенно имя Господне, принимал благое, буду принимать и злое» (Иова 1:21; 2:10). Вот мудрость праведного Иова. Но нет мудрости в диалектических, логических построениях его друзей, и нет как раз потому, что они самоуверенно считают себя понимающими мысли Божии; в них есть то, что можно назвать рационализмом на религиозной основе. Им сказано просить себе прощения у Бога через Иова.

Как ни привлекательны довольство, богатство, успех, слава, привязываться к чему-нибудь такому бессмысленно, такова заключительная мудрость Соломона. Каждого ждет смерть, и оказывается тогда, что все — только видимость, тщета, «суета сует, и все суета» (Екклесиаст 1:2).

Есть в жизни нечто более высокое, ценное, более достойное похвалы, идущее от мудрости. Это стремление к познанию дел Божиих, к изучению природы, к чистому знанию: «познать устройство мира и действие стихий, начало, конец и средину времен, смены поворотов и перемены времен, круги годов и положение звезд, природу животных и свойства зверей, стремления ветров и мысли людей, различия растений и силы корней...». «Если кто любит праведность, — плоды ее суть добродетели: она научает целомудрию и рассудительности, справедливости и мужеству, полезнее которых ничего нет для людей в жизни...». Если кто желает большой опытности, мудрость знает давнопрошедшее и угадывает будущее, знает тонкости слов и разрешение загадок, предугадывает знамения и чудеса и последствия лет и времен...» (Прем. Солом. 7:17-20; 8:7-8). Здесь — признание прав за наукой в ее многих разветвлениях.

Обладание такой мудростью есть не личная заслуга, а дар Божий. «Я молился», свидетельствует автор «Премудрости Соломоновой», «и сошел на меня дух премудрости. Познал я все, и сокровенное и ясное, ибо научила меня Премудрость, художница всего. Она

есть дух разумный, святой, едиnorodный, многочастный, тонкий, удобоподвижный, светлый, чистый, ясный, невредительный, благолюбивый, скорый, неударжимый, благодетельный, человеколюбивый, твердый, непоколебимый, спокойный, беспечальный, всевидящий и проникающий все умные, чистые, тончайшие духи... Она есть отблеск вечного света и чистое зеркало действия Божия и образ благодати Его. Она-- одна, но может все, и, пребывая в самой себе, все обновляет, и, переходя из рода в род в святые души, приготовляет друзей Божиих и пророков; ибо Бог никого не любит, кроме живущего с премудростью» (Прем. Сол. 7:22-23; 26-28).

Не удивительно, что такой совершенный образ Премудрости, как он дан в учительных книгах Ветхого Завета, приковывает к себе внимание и в христианскую эпоху, особенно той стороной изображения, где она представлена «преседящей Самому Богу». «Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони; от века я помазана, от начала, прежде бытия земли. Я родилась, когда еще не существовали бездны, когда еще не было источников, обильных водою. Я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов, когда еще Он не сотворил ни земли, ни полей, ни начальных пылинок вселенной. Когда Он уготовлял небеса, я была там. Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны, когда утверждал вверху облака, когда укреплял источники бездны, когда давал морю устав, чтобы воды не переступали пределов его, когда полагал основания земли: тогда я была при Нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицом Его во все время, веселясь на земном кругу Его, и радость моя была с сынами человеческими...». «Кто нашел меня, тот нашел жизнь, и получит благодать от Господа» (Прит. 8:22-31; 35).

Здесь Премудрость представлена в личном образе, как бы божественное существо; можно указать и другие подобные выражения в речах о Премудрости. Под впечатлением такого образа в религиозной философии как христианской древности, так и в средневековые и новые времена, возникала и пыталась войти в богословие мысль, что под премудростью здесь разумеется особая божественная личная сила, или ипостась, сотворенная ли или несотворенная, может быть душа мира, «божественная София». Учение о Софии получила свое развитие в русской религиозной мысли у Владимира Соловьева, у свящ. Павла Флоренского, у прот. С. Булгакова. Эти мыслители исходят из своих особых философских предпосылок и, желая оправдать их Писанием, не обращают достаточного внимания на то, что для ветхозаветной письменности обычен прием олицетворения понятий. Писатель кн. Притчей предупреждает, что нужно будет при чтении «разуметь притчу и замысловатую речь, слова мудрецов и загадки их» (Прит. 1:6), т. е. не принимать образных выражений в прямом смысле.

В тех же местах, где Премудрость особенно выразительно изображена, как личное бытие, как Премудрость ипостасная, Новый Завет разумеет под нею Сына Божия Иисуса Христа, «Божью силу и Божью Премудрость», как это читаем у ап. Павла (1 Кор. 1:24). Такое толкование дается, например, паремийному чтению из кн. Притчей: «Премудрость созда себе дом и утверди столпов семь» (Притч. 9:1-6). Здесь, таким образом, священный писатель переносит уже нашу мысль прямо в Новый Завет, к проповеди Евангелия, к таинству Евхаристии и к устройению Церкви Христовой; здесь Ветхий Завет уже вступает в Новый Завет.

Ветхозаветная молитва и песнь

СРЕДИ УЧИТЕЛЬНЫХ КНИГ есть одна особая книга, книга молитвы. Кто из христиан, не только православных, но любого исповедания или секты, не знает Псалтири и, в крайнем случае, не знает покаянного 50-го псалма? Вот, книга для всех, для молитвы во всех ее проявлениях, на все случаи: в скорби, в чувстве безвыходности, в болезни, в бедствиях личных и общественных, в слезах покаяния после падения, и в радости после полученного утешения и потребности благодарения, в свидетельство своей веры, благоговения, в укрепление надежды и для вознесения чистой хвалы Богу. В Псалтири есть много

размышлений, обращений к своей душе, много слов утешения. Не удивительно поэтому исключительно широкое применение Псалтири в Христовой Церкви. Ни одно богослужбное последование не обходится без псалмов, а некоторые читаются несколько раз в течение дня. И кроме того, вся Псалтирь прочитывается в храме в виде кафизм, т. е. вся по порядку, не менее раза в неделю. Наконец, православное богослужение пронизано еще и отдельными стихами псалмов, в виде прокименов, аллилуариев, стихов на Бог Господь, припевов к стихирам и других кратких обращений: просительных, покаянных, хвалебных. Христианские молитвы часто заимствуют выражения из псалмов. Псалтирь, в полном смысле слова, христианизирована. Это значит, что Церковь вкладывает во все выражения христианский смысл, а имеющийся ветхозаветный элемент отходит на задний план. Слова в псалмах: «Восстань, воскресни, Господи», — возводят нашу мысль к воскресению Христову; слова о пленении понимаются в смысле пленения греховного, именование народов враждебных Израилю — в смысле духовных врагов, а имя Израиля — в смысле церковного народа; призыв к избиению врагов — как призыв к борьбе со страстями; спасение из Египта и из Вавилона — как спасение во Христе. Почти в каждом стихе Псалтири Церковь находит отражение Нового Завета, того или другого события или мысли, исповедание веры, надежды и любви. Такому отношению к Псалтири научили нас сами Апостолы, приводя в своих писаниях стихи псалмов в новозаветном значении.

Некоторые псалмы и даже группы стихов имеют неясные выражения, не только в славянском тексте, но и первоначальном еврейском и в греческом переводе, но в них рядом же есть стихи блестящие по своей выразительности. Но как много есть псалмов, которые вполне ясны, прекрасно выражают наше душевное состояние и дают им такое полное молитвенное выражение, как будто составлялись они не в отдаленную эпоху, а в наше время и для нас!

Среди учительных книг есть одна, говорящая о любви. Это — «Песнь песней», о возлюбленном — возлюбленной. В первом впечатлении эта книга может представиться только художественной лирической песнью: так ее и толкуют многие свободные толкователи, не связывающие себя голосом Отцов Церкви. Нужно перейти к чтению пророков, чтобы видеть, что в Ветхом Завете образ возлюбленного и возлюбленной употребляются в возвышенном смысле завета между Богом и избранным народом, и если эта книга вошла в кодекс священных книг иудеев, то вошла потому, что — каково бы ни было ее первоначальное значение — ветхозаветная традиция понимала ее в возвышенном символическом смысле. В Новом Завете тем же символом пользуется ап. Павел, только без применения поэтической формы, когда говоря о любви мужа к жене, сравнивает с ней любовь Христа к Церкви. Тот же образ жениха и невесты нередко слышим в церковных песнопениях, как символ горячей любви христианской души к своему Спасителю: «Агница Твоя, Иисусе, зовет велиим гласом: Тебе, Женише мой, люблю, и Тебе ищущи страдальчествоую...». — поется в тропаре мученице. Такой же прорыв любви души ко Христу встречается и в писаниях христианских подвижников.

Провозвестники Нового Завета

ПАДЕНИЕ ЦАРСТВ Израильского и Иудейского, а особенно разрушение Иерусалима и Вавилонский плен были страшнейшими ударами для еврейского народа, небывалыми по размеру потрясениями. Это был Божий суд за его измену завету с Богом и за глубокое нравственное развращение. Наступила для этого народа беспросветная, казалось, безнадежная ночь. И вот, в это время является целая плеяда утешителей в его страданиях. Обличение и утешение — вот два предмета их устных вещаний и их Пророческих книг, составляющих особый, последний отдел книг Ветхого Завета.

Пророческие обличения предшествуют последним ударам по судьбе еврейского народа, когда еще были остатки благоденствия и еще дремала народная совесть. Обличения несравнимы по своей силе, по безжалостной правдивости.

«Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные!.. Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Вся голова в язвах, и все сердце исчахло. От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и не обвязанные и не смягченные елеем... Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: Беззаконие — и празднование!.. Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло, научитесь делать добро: ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите — рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши как багряное — как снег убелю; если будут как пурпур — как волну убелю», — так возглашает пророк Исаия (Ис. 1:4-6; 13:16-18).

Еще более сильными словами бичует и оплакивает падение народа пророк Иеремия: «Не надейтесь на обманчивые слова: "здесь храм Господень", ... Как! Вы крадете, убиваете и прелюбодействуете, и клянетесь во лжи и кадите Ваалу, и ходите во след иных богов, которых вы не знаете, а потом приходите и становитесь пред лицом Моим в доме сем, над которым наречено имя Мое, и говорите: "мы спасены", чтобы впредь делать все эти мерзости. Не сделался ли вертепом разбойников в глазах ваших дом сей, над которым наречено имя Мое?» (Иер. Из 7 ой главы).

«О, кто даст голове моей воду и глазам моим — источник слез! я плакал бы день и ночь о пораженных дочери народа моего. О, кто дал бы мне в пустыне пристанище путников! оставил бы я народ мой и ушел бы от них: ибо все они прелюбодеи, скопище вероломных ... Каждый обманывает своего друга, и правды не говорят: приучили язык свой говорить ложь, лукавствуют до усталости... Неужели Я не накажу их за это? говорит Господь ... Я сделаю Иерусалим грудю камней, жилищем шакалов, и города Иудеи сделаю пустынею, без жителей. Есть ли такой мудрец, который понял бы это? ... Так говорит Господь Саваоф: подумайте, и позовите плакальщиц, чтобы они пришли ... Пусть они поспешат и поднимут плач о нас, чтобы из глаз наших лились слезы, и с ресниц наших текла вода!» (Иер. Стихи из главы 9 й)

И когда стряслись беды, посыпались неслыханные несчастья, пришел Вавилонский плен и не было уже никакого утешения, — те же пророки стали единственной поддержкой народа.

«Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш; говорите к сердцу Иерусалима и возвещайте ему, что исполнилось время борьбы его, что за неправды его сделано удовлетворение, ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи свои ... Взойди на высокую гору, благовествующий Сион! возвысь с силою голос твой, благовествующий Иерусалим! возвысь, не бойся; скажи городам Иудиным: вот Бог ваш! Вот, Господь Бог грядет с силою, и мышца Его со властью. Вот, награда Его с Ним и воздаяние Его пред лицом Его. Как пастырь Он будет пасти стадо Свое; агнцев будет брать на руки и носить на груди Своей» (Исаии 40: 1-2; 9-11).

Так утешает пророк Исаия, становясь, в дни плача, пророком будущего избавления и будущего благословения Божия.

«Кричат мне с Сеира: сторож! Сколько еще ночи? Сторож! Сколько еще ночи? Сторож отвечает: приближается утро, но все еще ночь...». (Исаия 21: 11-12).

Пройдет ночь, пройдет гнев Божий. «Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая и расцветет как нарцисс; великолепно будет цвести и радоваться, будет торжествовать и ликовать; слава... Укрепите ослабевшие руки и утвердите колени дрожащие; скажите робким душою: будьте тверды, не бойтесь; вот Бог ваш, придет отмщение, воздаяние Божие; Он придет и спасет вас. Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся. Тогда хромой вскочит, как олень, и язык немого будет петь; ибо пробьются воды в пустыне, и в степи — потоки... И возвратятся избавленные Господом, придут на Сион с радостным восклицанием; и радость вечная будет над головою их; они найдут радость и веселье, а печаль и воздыхание удалятся» (Исаия 35: 1-10).

Что же особенно воодушевляет пророков к светлым надеждам в этих далеких видениях

будущего? Видят они впереди государственную мощь своего народа, его победы и триумфы? Или будущее довольство, богатство, изобилие земных благ? Нет, не эти предметы материального благополучия или национальной гордости влекут к себе их взоры. Разве этих святых людей, обрекших себя на страдальческую жизнь, а то и мучительную смерть (пр. Исаия был перепилен деревянной пилой), могли одушевить только эти одни земные пожелания своему народу? Они созерцали иное откровение Божие: небывалое духовное возрождение, времена правды и истины, кротости и мира, когда «вся земля наполнится ведением Господа...». (Исаия 11:9). Они возвещали приход Нового Завета.

«Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь. Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом. И уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорить: «познайте Господа», ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого, говорит Господь, потому что Я прощу беззакония их и грехов их уже не вспомню более». Так пророчествует Иеремия (Иер. 31:32-34).

То же предвещается и у Иезекииля: «Дам вам сердце новое, и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотяное. Вложу внутрь вас дух Мой и сделаю то, что вы будете ходить в заповедях Моих и уставы Мои будете соблюдать и выполнять» (Иезек. 36:26-27; 11:19-20).

Много говорят пророки о возмездии другим народам, врагам Израиля, народам языческим, которые были орудием гнева Божия над Израилем. Они получают свою чашу гнева. Но будущее благословение Израиля будет светом и для них. «И будет в тот день: к корню Иессееву, который станет, как знамя для народов, обратятся язычники, — и покой его будет слава» (Исаия 11:10).

Исполнение этих надежд связывается с таинственным обетованием о даровании Израилю вечного Царя. «Раб Мой Давид будет Царем над ними и Пастырем всех их, и они будут ходить в заповедях Моих... И раб Мой Давид будет князем у них вечно. И заключу с ними завет мира, завет вечный будет с ними», (Иезек. 37:24-26).

На сего будущего Царя направляют все взоры своих современников утешающие их пророки. И вот в каких чертах представляют перед ними Его образ: в свете кротости, незлобия, смирения, праведности. «Вот, Отрок Мой, Которого Я держу за руку, избранный Мой, к которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на Него, и возвестит народам суд; не возопиет и не возвысит голоса Своего, и не даст услышать его на улицах; трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит; будет производить суд по истине» (Исаия 42:1-3).

В таких и подобных словах изображено у пророков пришествие Спасителя мира. Перед нами — рассеянное в разных местах писаний пророков, но богатое в совокупности — изображение будущих евангельских событий и евангельский образ Самого Господа Иисуса Христа.

Вот у Исаии указание на Галилею, место первого на земле пребывания и явления людям Спасителя: «Прежнее время умалило землю Завулонову и землю Неффалимову; но последующее возвеличит приморский путь, Заиорданскую страну, Галилею языческую. Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет... Ибо Младенец родился нам и Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Великого совета Ангел. Чудный, Советник, Бог крепкий, Властитель, начальник мира, Отец будущего века», (Ис. 9:1-6).

Вот указание на Господне прославление Иерусалима: «Восстань, светись, Иерусалим! Ибо пришел свет твой, и слава Господня возшла над тобою. Ибо вот, тьма покроет землю, и мрак — народы; а над тобою воссияет Господь, и слава Его явится над тобою. И придут народы к свету твоему, и цари — к восходящему над тобою сиянию» (Исаии 60:1-3).

Вот пророчество о Христе того же пророка, которым Сам Христос начал Свое земное благовестие в синагоге Назарета: «Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение и узникам открытие темницы, проповедовать лето Господне благоприятное» (Исаии 61:1-2).

Предвидит ли пророк, что Спаситель не будет узан и признан вождями иудейского народа, а за ними и частью народа? Да, он косвенно указывает на это в великой картине страданий Христовых, данной в 53-й главе его книги, в одном из самых великих пророчеств, если не величайшем из них:

«Господи! кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня? Ибо Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих.

От уз и суда Он был взят; но род Его кто изъяснит? ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь. Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого, потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его» (Исаия 53:1-9).

Евангельская история свидетельствует, что не узнал иудейский народ времени посещения своего. Однако, нельзя сказать, что утешительное пророчество не исполнилось. Ибо никто не может отнять у иудейского народа той славы, что из его рода произошла Пресвятая Дева Мария, и что Иисус Христос был от семени Давидова, и что Апостолы Христовы были из того же народа, и что Иерусалим стал на все времена местом славы Воскресшего Христа. Из Иерусалима пошла проповедь Евангелия на всю вселенную, и о нем Церковь поет: «Радуйся, Сионе святой, мати церквей, Божией жилище: ты приял еси первый оставление грехов воскресением» (воскр. Октоих, гл 8, стих на «Господи воззвах»).

Полное же объяснение того факта, что в Церковь Христову вошли преимущественно люди из языческих народов, и большинство иудеев осталось в неверии, дает нам, уже в новозаветных Писаниях, апостол Павел. У него находим исчерпывающие истолкования ветхозаветных пророчеств об этом, не нуждающихся в дополнениях. Апостол пишет:

«Что же, если Бог, желая показать гнев и явить могущество Свое, с великим долготерпением щадил сосуды гнева, готовые к погибели, дабы вместе явить богатство славы Своей над сосудами милосердия, которые Он приготовил к славе, над нами, которых Он призвал не только из Иудеев, но и из язычников? Как и у Осии говорит: не Мой народ назову Моим народом, и не возлюбленную — возлюбленную. И на том месте, где сказано им: вы не Мой народ, там названы будут сынами Бога живаго. А Исаия провозглашает об Израиле: хотя бы сыны Израилевы были числом, как песок морской, только остаток спасется ... Что же скажем? Язычники, не искавшие праведности, получили праведность, праведность от веры. А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности. Почему? Потому что искали не в вере, а в делах закона. Ибо преткнулись о камень преткновения, как написано: вот, полагаю в Сионе камень преткновения и камень соблазна; но всякий, верующий в Него, не постыдится... Но спрашиваю: разве они не слышали? Напротив, по всей земле прошел голос их, и до пределов вселенной слова их. Еще спрашиваю: разве Израиль не знал? Но первый Моисей говорит: Я возбужу в вас ревность не народом, раздражу вас народом несмысленным. А Исаия смело говорит: Меня нашли не искавшие Меня; Я открылся не вопрошавшим о Мне. Об Израиле же говорит: целый день Я простираю руки Мои к народу непослушному и упорному» (Рим. 9:22-27, 30-33, 10:18-21)

Это, казалось бы, слишком суровой участью и слишком строгим приговором для некогда избранного народа. Но сам Апостол Павел становится утешителем своего народа, говоря: «Не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, — чтобы вы не мечтали о себе, — что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников; и так весь Израиль спасется, как написано: придет от Сиона Избавитель и отвратит нечестие от Иакова... Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать. О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Римл. 11:25-26, 32-33).

Неотъемлемое достояние Церкви

«Прежде сень (тьнь) законная, благодати пришедши» (Октоих воскр., догматик 2-го гласа): отошел прообраз, когда пришла Истина; предутренняя тень рассеялась, когда засияло солнце. Нет ветхозаветных жертв: нет не только в смысле потери ими своего значения, но и фактически нет их. Нет скинии, нет ветхозаветного Иерусалимского храма; нет первосвященника и законных священников у иудеев.

Пришло Царствие Христово. И само зерно ветхозаветного закона — десять заповедей Божиих, данных на горе Синай, уступают свое первенство заповедям, возведенным на иной горе, заповедям блаженства Нагорной проповеди.

Нерушимыми остаются две древние заповеди: одна о любви к Богу всем сердцем, всей душой и всем помышлением, и вторая — о любви к ближнему, как к самому себе. Они составляют идейную сущность Ветхого Завета; Спаситель сказал, что на них утверждены Закон и Пророки. Но о любви к ближнему в прощальной беседе Своей с учениками Господь возвел еще на большую высоту, сказав: «Заповедь новую даю вам...». Здесь древняя заповедь расширена понятием любви до самоотвержения, любви большей, чем к себе.

На Тайной Вечери Господь открыл таинственную истину установления Нового Завета: «Сия Чаша есть Новый Завет в Моей Крови». Эта истина стала предметом проповеди Апостолов.

И, тем не менее, Ветхий Завет остается тем заложенным в земле основанием, тем фундаментом, на котором стоит и высится в небеса Церковь Христова. Краеугольным камнем этого основания являются книги ветхозаветной Библии: законоположительные, исторические, учительные и пророческие. Они содержат в себе великие пророчества о Христе и почти безграничное число прообразов, предзнаменований, отражений грядущего Нового Завета. В них слышим ранние призывы к покаянию, кротости, милосердию, потом провозглашенным во всей силе и глубине в евангельской проповеди, в них находим многочисленные примеры благочестия и обилие нравственного назидания. Вечны открытые здесь человечеству истины о Боге, о мире, о человеке, о грехе, о необходимости искупления и о грядущем Желанном Искупителе.

Освещенная светом Евангелия и раскрытая во всем своем значении Новозаветной Церковью, ветхозаветная Библия остается неотъемлемым и незыблемым достоянием Христианства.